От автора

Эта книга посвящена тематическим интерпретациям некоторых поздних произведений Достоевского, каждая из которых берет за основу ряд ключевых понятий, связанных с темой изучаемого произведения.

Первая глава посвящена характеристике специфического образа времени в романе «Идиот». Взяв в качестве основы ряд историй, рассказанных князем Мышкиным о последних минутах смертников, мы пытаемся обсудить амбивалентную связь между образами конца и вечности по аналогии с парадоксом Зенона. Это помогает не только прояснить специфичность образа времени у некоторых героев романа, но и понять оригинальную стратегию повествования как манипуляцию со временем. Ключевыми концепциями здесь являются ограничение и разделение.

Цель второй главы — разъяснение психологии героев повести «Вечный муж». Сначала мы проводим обзор репрезентативных исследований, посвященных освещению ментальных обликов главных героев и психологическому выяснению их взаимоотношений, чтобы уточнить диапазон возможных интерпретаций душевно-психологических аспектов этой повести. Затем мы предлагаем свою версию с точки зрения театральности этой повести, которая согласуется с теорией Льва Выготского о психологии искусства. Ключевую концепцию при этом представляет собой катарсис.

Третья глава — исследование эмоционально-психологического облика чувствительного героя романа-инициации «Подросток». Наша главная цель — охарактеризовать связь между хроническим чувством стыда у героя и его сокровенной идеей стать Ротшильдом. Вначале рассматривается своего рода «феноменология» стыда: источники стыда у героя, знаковый аспект его описания стыда, цепной эффект заражения чувством стыда различных героев и его целительный эффект. Затем следует сравнительное исследование стыда-идеи: идея как признак стыда, риторика идеи и риторика лжи, чуткость к стыду и чуткость к идее, идея как стыд.

Предметом исследования четвертой главы является герой рассказа «Кроткая». Как и в первой главе, ключевая концепция здесь — время. Условно определив ментальную проблему этого подпольного мечтателя как «диссонанс

с настоящим временем», мы рассматриваем различные ее симптомы: призвание закладчика, мефистофельская поза, намерение мстить обществу, неоднозначная идентичность, склонность к типизации других, склонность к молчанию, любовь к планам и системам, любовь к откладыванию. Затем мы пробуем осмыслить проблему героя с точки зрения критического отношения Достоевского к механистическому мировоззрению постньютоновской эпохи, т. е. его борьбы с инерцией, с одной стороны, и с точки зрения проблемы «сиротства во времени» у современного ему русского человека, с другой.

Главы 5–7 полностью посвящены изучению романа «Братья Карамазовы».

Тема пятой главы — казуистика, т. е. методика применения общих принципов к конкретным случаям. Через сопоставление двух групп казуистов в романе, т. е. *закаленных* казуистов, которые умеют оправдать любой человеческий поступок, и тех, кто в процессе оправдания своего отношения к миру невольно обращается к казуистской логике, мы рассмотрим, настолько Достоевский интересовался казуистикой не только как странной логикой оправдания слабости человека, но и как отражением трудной жизненной ситуации религиозного человека Нового времени и, следовательно, сильной пружиной для развития идеи романа. Последняя часть главы посвящена сравнительной характеристике отношения старца Зосимы к Слову Божьему.

Глава шестая посвящена теме иезуитов, тесно связанной с казуистикой. Каковы предпосылки разнообразных проявлений концептов, связанных с иезуитством, в романе, действие которого происходит в русском провинциальном городе 1860-х годов? Почему в одном и том же понятии «иезуит» здесь раскрывается широкий спектр нюансов и, в частности, откуда берется уникальный образ иезуита как самоотверженного человеколюбца у Ивана? Чтобы сформулировать ответы на эти вопросы, мы пытаемся проследить, во-первых, историю иезуитского ордена в России, а во-вторых, главные черты представления об иезуитах в литературе, особенно в 1860-е годы, т. е. во время наших героев. При этом особое внимание обращается на историю дискуссии о русских иезуитах того времени.

Ключевые концепции для аргументов седьмой главы — пара антонимов: «включение» и «исключение». Вначале мы анализируем, как мотив «включения и/или исключения» пронизывает целый роман, применяясь к разным этическим, юридическим и религиозным проблемам, начиная со спора о церковном суде в монастыре. Затем мы проверяем гипотезу о том, может ли быть связана проблема «включения или исключения» в этом романе с проблемой включения старообрядцев в православную церковь и, далее, проблемой реинтеграции Русской церкви, глубоко интересовавшей Достоевского. Наконец, мы пробуем уточнить, до какой степени идеи «включения» и «веротерпимости», представленные старцем Зосимой, отражают религиозное мировоззрение самого Достоевского.

Глава восьмая — эссе, вдохновленное трактатом Деборы Мартинсен «Идиот: трагедия непощения». Почему героиня романа «Идиот» не может простить человека, который ее унизил, и быть сама прощенной? В поисках ответа на эти вопросы мы совершаем небольшую экскурсию по миру рассказа «Акулькин муж» из романа «Записки из Мертвого дома». Это еще одно эссе, написанию которого помогло множество предыдущих исследований, в частности культурно-антропологическое исследование Гэри Кокса, посвященное характеристике коренной структуры власти в произведениях Достоевского, и недавняя работа Сесилии Дилворт о представлении фольклорных элементов и народных голосов в «Записках из Мертвого дома».

Дискуссия в различных главах книги направлена скорее на рассмотрение значения и роли отдельных частей или конкретных элементов произведений Достоевского, чем на разгадку этих произведений в целом. Обсуждение главным образом ведется, так сказать, в микрокосмах, но автор с надеждой отмечает, что целое обитает в частях.

Другой общей чертой глав книги является то, что все они основаны на докладах на русском или английском языке, сделанных автором на симпозиумах Международного общества Достоевского, каждый из которых в процессе оформления в статью получил критику и комментарии ряда экспертов. Автор искренне благодарен своим коллегам, особенно членам Международного общества Достоевского (слишком многочисленным, чтобы их упоминать), за их поддержку и сотрудничество.

Эта книга увидела свет благодаря профессору Сусуму Нонака из университета Сайтама, который во время 18-го симпозиума Международного общества Достоевского в Нагое в 2023 году предложил автору опубликовать коллекцию статей о Достоевском на русском языке. Я глубоко признателен профессору Нонака за то, что он обратил внимание на скромные работы автора и подготовил место для публикации в этой серии.

Наконец, я хотел бы выразить глубочайшую благодарность моему старому другу Борису Ланину, профессору русской литературы в университете имени Адама Мицкевича в Познани, который кропотливо отрецензировал неровные работы автора и привел их в удобочитаемый вид. Без его самоотверженного сотрудничества на протяжении нескольких месяцев эта книга не увидела бы свет. Я также хотел бы выразить глубочайшую благодарность профессору Валерии Гречко из Токийского университета и Стефану Розову, которые оказали мне огромную помощь на этапе рецензирования и редактирования.

Я хотел бы посвятить эту книгу моей покойной жене Цунэко Мотидзуки, которая долгое время была моим верным соратником в деле изучения русской литературы.